

Вероника
ТУШНОВА

Лирика

Москва
2016

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Т92

Серия «Золотая серия поэзии»

Оформление *А. Саукова*

Иллюстрация на 4-й стороне переплета:
MarinaMariya / iStockphoto / Thinkstock / Fotobank.ru

В оформлении переплета использована работа
художника *К. Н. Кравченко*

Серия «Всемирная библиотека поэзии»

Разработка серии *И. Саукова*

Фото на обложке из семейного архива *В. Тушиновой*

Тушнова, Вероника Михайловна.

Т92 Лирика / Вероника Тушнова. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с.

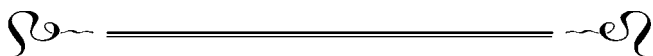
ISBN 978-5-699-90383-2 (ВБП)

ISBN 978-5-699-61878-1 (ЗСП)

Вероника Тушнова писала сердцем, иначе не могла. Отсюда — светлая задушевная интонация ее лирики, отсюда — неповторимое обаяние ее прекрасной поэзии.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-699-90383-2 (ВБП) © Розинская Н. Ю., 2016
ISBN 978-5-699-61878-1 (ЗСП) © Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ОНА РОДИЛАСЬ В КАЗАНИ

Все начинается с детства...

Родилась Вероника Тушнова 27 марта 1911 года в Казани, крупном университетском, промышленном и торговом городе на Волге, городе своеобразном, где соединились восток и запад...

Дом на Большой Казанской улице, ныне Большой Красной, в котором жили тогда Тушновы, располагался на взгорье. Вверху над всем пейзажем господствовал Кремль. Здесь башня Сююмбеки соседствовала с куполами церквей. Внизу, под горой, протекала река Казанка, а вблизи устья Казанки и за ней раскинулись пригороды-слободы. Вероника любила бывать в Адмиралтейской слободе, в доме деда Павла Хрисанфовича — потомственного волжанина. В живых его Вероника не застала, но судьба деда-капитана занимала воображение девочки.

Ранней весной она с подругами наблюдала захватывающую картину ледохода. Летом Тушновы жили на Волге в Шеланге, утопавшей в яблоневых и вишневых садах. Волга вошла в жизнь и судьбу Вероники Тушновой. Позднее она много ездила по родной стране, видела немало красивых мест, очень полюбила море, но даже оно не заслонило собою память о родных волжских просторах.

Волга, Волга моя,
всюду — ты, вечно — ты,
сколько в жизни тобою
расставленных вех.

Отец Вероники, Михаил Павлович, рано лишился родителей, рано встал на самостоятельный путь. Он окончил Казанский ветеринарный институт, один из старейших институтов России. Прошел нелегкую службу военного врача на Дальнем Востоке... Вернувшись в Казань, Михаил Павлович начал работать в Ветеринарном институте, через несколько лет защитил докторскую диссертацию, стал профессором, впоследствии получил звание академика ВАСХНИЛ. Мать Вероники, Александра Георгиевна, родом из Самары, была художницей-любительницей.

В Веронике Михайловне много как отцовских, так и материнских черт. Высокий интеллект отца, его мятежная прямота соединялись в ней с душевной теплотой матери, с ее страстной увлеченностью искусством. Было время, когда Вероника Михайловна серьезно задумывалась, не посвятить ли себя живописи. И не случайно любовь к краскам — одна из отличительных черт ее поэзии... Веселая, остроумная, благожелательная к людям и в то же время правдивая до резкости — такой была Вероника в жизни, такова она и в поэзии.

В 1924 году Тушновы переехали на улицу Миславского. Двор их дома соприкасался с территорией цирка. Утром Вероника «просыпалась от великолепного, важного, грозного рыка львиного», потихоньку пробиралась в этот мир чудес. Спустя много лет она в рисунках запечатлеет своих друзей: кло-

уна, зверей, птиц. В доме Тушновых, кроме кота, жил верный дог — «Я с детства зверей любила...».

Привязанности к животным, как и любви к цветам, В. Тушнова остается верна всю жизнь. «По-прежнему вожусь с цветами и люблю зверье. В доме два кота и Чапа, рыжая китайская лайка, лохматая, коренастая, с ангельским характером и адовой силищей. Мордой похожа на Симону Синьоре», — пишет она с присущим ей юмором подруге по Казанскому университету Диноре Аксаровне Шейхали.

Значительную роль в формировании личности будущей поэтессы сыграли школьные годы. Училась Вероника в одной из лучших тогда школ города Казани — в школе № 14 имени А. Н. Радищева. В школе большое внимание уделялось иностранным языкам, французскому и немецкому, которые изучались с младших классов. Вероника обладала исключительной восприимчивостью к языкам. Позднее в университете ей впервые пришлось выступить в роли переводчика. На 125-летний юбилей университета приехал японский ученый, владевший немецким языком, и Веронике поручили сопровождать его. Со своими обязанностями переводчика она справилась превосходно. В знак признательности ученый подарил ей старинную японскую вышивку...

Непререкаемым авторитетом в школе пользовался Борис Николаевич Скворцов, преподаватель литературы, любимый учитель В. Тушновой. Широко образованный (он преподавал и в высшей школе), внимательный педагог, он один из первых заметил одаренность девочки, сочинения ее нередко читал в классе как образцовые. Стихи Вероники часто появлялись в общешкольной стенной газете, ее шут-

ки и пародии знала вся школа, многие из них сохранились в памяти ее однокашников.

Казань славилась своим театром. Юношеские стихи Вероники дают представление об увлечениях молодежи театром, концертами. Сама Вероника любила и понимала музыку, неплохо пела, играла на рояле.

Большим событием в жизни казанской молодежи были приезды В. Маяковского и С. Есенина. Так два больших поэта стали близки В. Тушновой с юношеских лет и оказали в дальнейшем немалое влияние на ее поэзию.

В 1928 году окончена школа.

В том же году под влиянием отца Вероника поступает на медицинский факультет Казанского университета. В университетских коридорах звонкое разноязычие: русские, татары, чуваша, мари, мордва... Чувство интернационализма впитывалось в кровь, входило в сознание.

В 1931 году М.П. Тушнов переходит на работу во Всесоюзный институт экспериментальной медицины (ВИЭМ) и вместе с семьей переезжает в Ленинград, где Вероника Михайловна заканчивает Первый ленинградский медицинский институт. По окончании института она проходит аспирантуру в Москве при кафедре гистологии ВИЭМа под руководством профессора Б. И. Лаврентьева, воспитанника Казанского университета. Готовит диссертацию. В научном сборнике появляются ее статьи.

Но увлечение поэзией не оставляет Веронику Тушнову. В 1939 году ее стихи появляются в печати. Она делает окончательный выбор и в 1941 году подает заявление в Литературный институт имени Горько-

го. Но учиться не пришлось. Началась война. В ноябре 1941 года военная судьба вернула Веронику Михайловну в родной город. Здесь она работает палатным врачом нейрохирургического госпиталя, созданного на базе неврологической клиники ГИДУВа. Перед ее глазами проходят судьбы многих людей.

Я за годы войны
Побывала во всех городах,

Потому что вот тот
Из Тбилиси, а тот из Орла,
Потому что у этого мать
В Бухаре умерла.

Кто-то пишет в Москву,
У кого-то в Армении дочь.
И чужую тоску
Я баюкала каждую ночь.

За военные годы в Казани напечатано только одно стихотворение. Но приметы времени и детали быта в ее стихах убеждают, что казанские впечатления дали жизнь целому ряду ее стихотворений. Среди них такие прекрасные стихи, как «Яблоки», «Салют», «Мать».

В феврале 1943 года Вероника Михайловна возвращается в Москву. Снова госпиталь; она работает врачом-ординатором.

Исключительное значение в творческой биографии поэта имел 1944 год. В «Новом мире» появляется ее стихотворение «Хирург», посвященное Н. Л. Чистякову, хирургу московского госпиталя, в котором работала Вероника Тушнова. В том же году в «Комсомольской правде» печатается цикл «Стихи о дочери», получивший широкий читательский отклик.

В 1945 году выходит сборник В. Тушновой «Первая книга». Одним из тех, кто увидел в начинающей поэтессе талант, был В.И. Качалов. По словам его биографа В.В. Виленкина, В.И. Качалов «зачитывал» домашних и гостей ее стихами...

...Есть еще одна очень важная сторона творчества В.Тушновой — это ее неустанная переводческая деятельность. Она переводила поэтов Прибалтики, Кавказа, Средней Азии, поэтов Польши и Румынии, Югославии и Индии... Переводческая работа была важной и нужной: она делала доступными для русского читателя стихи многих и многих зарубежных поэтов.

...Свою последнюю книгу В. Тушнова назвала «Сто часов счастья». Пафос ее — в программных строках первого стихотворения:

Это зря говорится,
Что надо счастливой родиться.
Нужно только, чтоб сердце
Не стыдилось над счастьем трудиться...

Последние годы В. Тушновой были очень трудны — тяжелая болезнь, сложная, неустроенная личная жизнь. Ее прощание с жизнью светло и мудро:

А стоит ли уж так печалиться,
Прощаясь с миром дорогим.
Ничто на свете не кончается,
Лишь поручается другим.
Другим любовь моя завещана,
В других печаль моя горька...

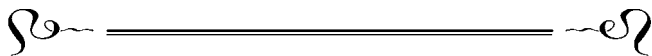
*По материалам Казанского литературного
музея им. М. Горького*

Память
сердца

Казанский кремль.
Башня Сююмбеки

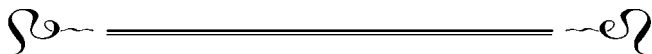

ГОЛУБИ

Тусклый луч блестит на олове,
мокрых вмятинах ковша...
Чуть поваркивают голуби,
белым веером шурша.
Запрокидывают голову,
брызжут солнечной водой,
бродят взад-вперед по желобу
тропкой скользкой и крутой.
Бродят сонные и важные,
грудки выгнуты в дугу,
и блестят глаза их влажные,
как брусника на снегу.
Сад поник под зноем парящим,
небо — синьки голубей...
— Ты возьми меня в товарищи,
дай потрогать голубей. —
Верно, день тот был удачливым —
ты ответил: — Ладно, лезь... —
Дребезжать ступеньки начали,
загремела гулко жечь...
Мне расти мальчишкой надо бы —
у мальчишек больше льгот...
А на крыше — пекло адово,
сквозь подошвы ноги жжет.

Целый час с тобой стояли мы
(неужели наяву?),
птицы в небо шли спиралями,
упирались в синеву...
Воркованье голубиное,
смятый ковш, в ковше — вода...
А часы-то в детстве длинные —
и такие же года.
Кто их знал, что так прокатятся,
птичьей стайкой отсверкав...
Я ли это — в белом платице,
с белым голубем в руках?

СТИХИ О ГУДКЕ

Я с детства любила гудки на реке,
я вечно толклась у причала,
я все пароходы
еще вдалеке
по их голосам различала.
Мы часто таким пустяком дорожим,
затем что он с детства привычен.
Мне новый гудок показался чужим,
он был бессердечен и зычен.
И я огорчилась,
хотя я сюда
вернулась, заведомо зная,
что время иное, иные суда
и Волга-то, в общем, иная.
А все-таки он представлялся в мечте,
как прежде, густым, басовитым...
Мы вышли из шлюзов уже в темноте
и двинулись морем открытым.
Я не узнавала родные места,
где помнила каждую малость.
В безбрежности
пепельных вод широта
с темнеющим небом сливалась.
Рвал ветер низовый